

Расследование
Алексея
Верещагина

АННА
ДАШЕВСКАЯ

**ХОЛОДНОЕ
БЛЮДО**

Расследования Алексея Верещагина

Анна Дашевская
Холодное блюдо

«Автор»

2022

Дашевская А.

Холодное блюдо / А. Дашевская — «Автор»,
2022 — (Расследования Алексея Верещагина)

Июль, река, яхта, круиз по волжским городам... Знаменитые шеф-повара, сомелье, ресторанные критики плывут от одного городка до другого, чтобы посетить фестивали ухи. • Все улыбаются, все хвалят уху золотую, янтарную, опеканную, сборную, чёрную... • Все друг друга сильно не любят. Вопрос только один: у кого первого не выдержат нервы? И кого однажды утром найдут мёртвым?

Содержание

Глава 1. Калязин, день первый	8
Глава 2. Калязин, день второй	22
Глава 3. Мышкин	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Дашевская

Холодное блюдо

Предупреждение к читателям.

Если вы ещё не знакомы с миром Доман (An Domhan), то эта информация – для вас. Итак, Доман, мир, параллельный нашему, и главное различие между ними – тот мир магический. Магия присутствует в нём наряду с достижениями науки и техники, и для Лавинии Редфилд или Алексея Верецагина равно естественно отправить письмо по электронной почте или магическим вестником, зависит лишь от адресата и секретности послания. География наших миров, в общем, совпадает, хотя страны и города могут именоваться иначе. Впрочем, догадаться, кто есть кто, обычно легко. Большая часть ойкумены объединена в Союз королевств, туда входит и Царство Русь, где происходят описываемые события. Говорят в этом Союзе королевств на всеобщем языке, но при необходимости произносят слова любви или ругаются на родном.

Обо всём остальном расскажут герои (и злодеи) в этой и в других моих книгах.

ХОЛОДНОЕ БЛЮДО

Тёплый июльский вечер плыл над Волгой.

Солнце уже почти скрылось за верхушками деревьев, небо на востоке совсем потемнело, и вода в реке казалась тоже тёмной, страшноватой.

Из ресторана доносилась негромкая музыка. Серо-стальные волны лениво плескали в белый борт яхты и откатывались. На второй палубе, там, где днем ставили шезлонги и загорали, разговаривали двое, мужчина и женщина. Разговор этот был неприятным для обоих. Такие обычно стараются вести в уединённых местах, чтобы не слышали чужие. Но вот так сложилось, что встретились эти двое здесь, и всё, ими сказанное, разносилось над водой. Был ли кто-нибудь на нижней палубе? Мужчину и женщину это уже не волновало...

– Месяц назад эта идея казалась тебе отличной, – сказал он, глядя в воду.

– Месяц назад я готова была считать твой журнал хорошим изданием, имеющим важное значение для ресторанного дела в Царстве Русь, – пожалла она плечами.

– И что же с тех пор изменилось?

– Я кое-что поняла.

– Расскажи, что? Мы ведь примерно столько и не виделись с тобой, Марина.

– Зачем? Мы с тобой чужие люди, Пархомов, и в круиз этот ты взял меня только оттого, что имена участников были заявлены чуть не год назад. Так?

– Ты могла отказаться, – пожал он плечами.

– Могла.

Они помолчали, и Марина поёжилась.

– Холодно. Отправлюсь-ка я к себе в каюту. Где мы завтра останавливаемся, в какой дыре пробуем уху?

– Какая тебе разница? Ну, предположим, в Калязине.

– Каля-азин! – протянула она издевательски. – Мирровая столица кулинарии! Лютеция, Токио и Люнденвик нервно курят в уголке.

– Иди к Тёмному, – посоветовал мужчина, отворачиваясь.

– Лучше я спать пойду.

Женщина развернулась и исчезла в полумраке коридора.

Эдуард Пархомов, владелец этой самой яхты, а заодно нескольких крупных фабрик по производству колбас и сыров, двух кондитерских производств, виноградников на побережье Чёрного моря и соседствующих виноделен, плюнул в воду и выругался.

Давно запланированный круиз по волжским городам, с посещением проходящих там праздников ухи, грозил превратиться в браконьерскую охоту. И кто окажется в роли осетра, пока непонятно...

Какое-то время он колебался: пойти в бар и пообщаться с гостями, или убраться в собственную роскошную каюту, запереть двери и хорошенько выпить. Потом решил совместить оба варианта и отправился в бар.

Гости...

Да какие же это, к Тёмному, гости! Деловые партнеры, должники, конкуренты, коллеги. Назвать хоть одного из собравшихся другом он бы не решился. Еще пару месяцев назад мог бы сказать, что с ним путешествует любимая женщина, но с тех пор многое изменилось. Марина была права. Опять.

Он с чувством ещё раз сплюнул за борт и пошёл к трапу. План очень простой: подняться палубой выше, растянуть губы в приветственной улыбке и бросить пару приятных фраз. Потом заказать бармену коктейль позабористее и, пока в запотевшем стакане что-то есть, забыть обо всём.

До завтра.

До Калязина.

Бар казался полупустым. Сколько их тут собралось, пятеро, шестеро? Пархомов поморщился: стоит ли тратить запал ради части компании? Впрочем, шестеро – это половина гостей, так что, если здесь есть, например, Борисов и Ким, можно считать время проведённым с пользой.

Эдуард кивнул бармену, молчаливому круглолицему Васе Куконину по прозвищу Куки, пальцами показал тому желаемую порцию и направился в сторону углового дивана.

– О, а вот и наш гостеприимный хозяин! – заулыбался Сергей Казаков. – Эдик, присоединишься?

– А как же! Затем и пришёл, – он уселся в кресло и окинул присутствующих взглядом. – Как разместились? У всех всё есть? – переждал невнятный гомон, долженствующий обозначить, что размещение выше всяких похвал. – Завтра в девять утра завтрак, в одиннадцать отправляемся на уху!

В каюте Марина сбросила туфли и подошла к окну. Деревянный пол приятно охлаждал ступни.

Большая каюта с нормальным окном и приличного размера балконом, огромная кровать, уютное кресло... Она точно знала, что вон в тех хрустальных графинах найдет хороший виски, отличный бренди и сухой шерри, и сейчас получала удовольствие от самой возможности выбора. Да уж, в последние два месяца с возможностями у неё стало куда хуже...

– Пархомов, скотина, – с чувством проговорила женщина. – Как же я тебя ненавижу!

Разговор довольно быстро увял. Фозил Ким зевнул, прикрывая рот узкой ладонью, и сказал невнятно:

– Ох, засыпаю на ходу... Вроде и время не позднее. Наверное, речной воздух так действует. Спокойной ночи! – он поднялся, высокий и гибкий, словно танцор, улыбнулся всем и пошёл к выходу.

Следом стали прощаться и остальные. Пархомов одним глотком допил из стакана дай-кири, с хрустом разгрыз попавший в рот кусочек льда и кивнул бармену:

– Куки, можно закрывать.

В коридоре было темно, и он невольно вздрогнул, когда к нему скользнула тень.

Крупная тень. Мужчина.

– Постой минутку, Эдик, – мужчина взял его за локоть.

– А, это ты...

– Напоминаю: за тобой должок.

– Слушай, старик, не борзей, а? Я тебя пригласил в этот круиз, хотя тебе здесь быть не по рангу. О тебе напишут, и твой ресторан расхвалят в сентябрьском номере. Поставим твоё крупное фото в смокинге, с каким-нибудь призом в руках. Какого ещё рожна?

– За тобой должок, Эдик, – повторил мужчина. – И это всё... – он пошевелил пальцами в воздухе. – Всё это фуфло, о котором ты говорил, и четверти не закроет. Понятно?

– Более чем, – сухо ответил Пархомов. – Больше ничего не будет, не жди. Ясно тебе? Ну и пошёл вон.

Развернувшись, он зашагал к трапу, вбивая каблуки в деревянный пол. Громко стучат, кому-то мешают? Ничего, потерпят. С этого круиза каждый из приглашённых шеф-поваров получит столько, что они его должны три года поминать в благодарственных молитвах!

Когда ботинки большого босса простучали вверх по металлическим ступеням трапа, а его собеседник растворился в темноте по пути на нижнюю палубу, из бара выглянул Куки. Его круглое лицо выглядело озабоченным. Ну да, он разобрал каждое слово этого разговора, пока убирал за гостями! Кто ж виноват, что в его баре такая акустика, что слышно почти всё, что происходит на яхте? И тот неприятный разговор получасом раньше, когда босс ругался с бывшей любовницей, Мариной-как-там-её-фамилия, тоже слышал.

Рассказывать, ясное дело, никому не будет, просто запишет в блокнотик и снова записки эти спрячет в тайник. Об одном жалел Куки: что не рассмотрел того, кто боссу угрожал. Неполные получались сведения. С другой стороны, плыть им долго, мимо бара никто не пройдёт, наверняка ещё что-то скажут. А он запишет.

Зачем Вася Куконин вел свой дневник, он и сам не знал, но следовал заветам прадеда: узнал – зафиксируй и держи при себе. Пригодится.

Убрав последний протёртый до блеска стакан, Куки тщательно запер двери бара и отправился в свою каюту. На самую нижнюю палубу, где размещались члены команды.

Глава 1. Калязин, день первый

Красная уха

Ингредиенты: 1 л рыбного бульона; 400 г филе нерки на коже; 2 средние картофелины; 1 средняя луковица; 1 стебель лука-порея; 100 г жемчужного лука; 1 пучок укропа-петрушки; 1 лавровый лист; соль, свежемолотый черный перец

Очистите картофель, нарежьте кубиками. Тонко нарежьте порей, тщательно промыв, и очищенный репчатый лук. Кожу нерки очистите от чешуи, нарежьте рыбу порционными кусками.

В кипящий бульон положите картофель, репчатый и жемчужный лук. Варите на среднем огне почти до готовности. Добавьте рыбу, готовьте, снимая пену, 5 мин. Добавьте лук-порей, лавровый лист и рубленую зелень, варите 1 мин. Снимите с огня и дайте настояться под крышкой 5 мин. Подавайте уху горячей.

Журнал «Гастроном» № 04 (178), 2017

Калязин встретил гостей мелким дождиком.

Эдуард вышел на палубу, глянул на затянутое серыми облаками небо и поморщился: второй день круиза начинался как-то неладно. Конечно, зонты у всех есть, и местные организаторы фестиваля обещали поставить тенты в городском парке, над столами возле павильонов. Но всё-таки лучше бы дождь кончился...

Он коротко вздохнул и пошёл завтракать.

Вот теперь собрались все: семь шеф-поваров из известных столичных ресторанов, сомелье, бармендер, специалисты по сыру и, тьма его побери, ресторанные критики. Две штуки. Марина и Ольга, его бывшая любовница и его нынешняя любовница. С некоторым изумлением Пархомов увидел, что дамы сидят за одним столиком и мило о чём-то беседуют. Улыбаются и кивают!

– Тьма, – пробормотал он, ища пути к отступлению.

В этот момент женский голос его окликнул:

– Эдуард Михайлович, садитесь с нами! – повернувшись, Пархомов увидел брата и сестру Казаковых, шеф-поваров из ресторана «Похлёбкин».

– Привет, ребята! – с облегчением вздохнув, он сел спиной к женскому альянсу. – Как спалось?

– Отлично! – улыбнулась Агния.

Её молчаливый брат кивнул, подтверждая.

– Ну и хорошо.

Омлет был пышным, булочки мягкими, джем светился янтарём. Первый глоток кофе вернул Эдуарду хорошее расположение духа, и он спросил:

– Агния, выступишь с речью?

– Да ну что вы...

– А почему нет? Ты единственная женщина среди шефов, ресторан у вас с русской кухней, так что тебе и ухват в руки, – Пархомов коротко хохотнул.

Брат и сестра переглянулись, и Агния ответила:

– Простите, Эдуард Михайлович, но я вынуждена отказаться. Не умею говорить на публику.

– Жаль, жаль... – откинувшись на спинку стула, Пархомов улыбнулся.

Сейчас, после кофе и сытного завтрака, все вокруг казались ему милыми. Даже Агния, худая как щепка и остриженная под короткий ёжик, виделась симпатичной, почти пригодной для ухаживания. А почему бы нет? Если Ольга столкнулась с Красовской, значит, придётся

менять и любовницу, и ресторанный критика, так почему бы не присмотреться к Агнии? Ну, слегка откормить, конечно...

За этими благодушными размышлениями он прозевал момент, когда ресторан стал пустеть. На его столик легла тень, и женский голос спросил:

– Ты идёшь на фестиваль? Или так наелся, что уха уже в глотку не полезет?

– Иду, дорогая, – ответил Эдуард, вставая из-за стола. – Без меня, знаешь ли, и не начнут. А наелся я или нет, значения не имеет, потому как пробовать будут приглашённые судьи. И ты в том числе, милая.

– Не называй меня так, – пробормотала женщина, отступая к дверям.

– Не буду, – согласился он. – Но ты, Мариночка, пойдёшь сейчас пробовать уху, хвалить местных повелителей поварёшки, а потом поставишь десять баллов тому, кого укажу я. Это понятно?

– Более чем! – развернувшись, Марина Красовская вышла из ресторана, нарочито покачивая бёдрами.

Пархомов тяжело вздохнул и отправился следом.

За время, пока гости завтракали, облака куда-то утянуло. Солнце грело макушки, рассыпалось радужными искрами по мокрой траве и листьям старых лип в городском парке и вовсе уж нестерпимо сверкало на серебристо-серой реке.

– Ну, что? – сказал Пархомов негромко, оглядывая свою небольшую армию взглядом опытного полководца. – Вперёд? Через пятнадцать минут приедет здешний городской голова, господин Казанцев Иван Тимофеевич, полчаса поговорим, а там и уха подоспеет. Кстати, синьор Спелетти!

– Да, я здесь, – вперёд шагнул долговязый брюнет, неуловимо напоминающий серьёзного чёрного ворона.

– Обратите внимание на местных сыроваров. Похвалите за что-нибудь, дайте совет... Ну, что я вам буду рассказывать!

– Попробую, – всё так же серьёзно кивнул специалист по сыру. – Полагаю, для нас с Марией найдётся что-нибудь интересное.

– Отлично! Жан-Марк, со сладостями здесь, насколько я знаю, так себе, разве что пряники... – знаменитый кондитер из Лютении преувеличенно воздел брови. – Но вот варенье, говорят, у них интересное.

Жан-Марк Брезье вздохнул и проворчал:

– Найду что-нибудь.

– Хорошо... Что ещё? Артём, Лариса, вы – в свободном плавании. Выпивка будет ближе к вечеру.

– Между прочим, бартендер занимается не выпивкой, а общением с клиентом, – обиженно проворчал Артём Газарян, но его уже никто не слушал.

Небольшая толпа двинулась следом за предводителем. Чуть помедлив и пропустив всех вперёд, в кильватере колонны шли две дамы.

– Пока погода приличная, всё это можно терпеть, – меланхолично обронила одна из них.

– Как тебя угораздило вообще в это влипнуть? – спросила другая.

– Да так же примерно, как и тебя... Сколько там лет назад? Пять?

– Семь, почти восемь, – Марина кивнула, её губы скривились в усмешке. – Знаешь, тогда Пархомов был другим. Ну, или казался. Впрочем, он умеет красиво ухаживать, этого не отнимешь. А когда ты попадаешься на эту удочку, оказывается, что сыр-то – в мышеловке!

– Кто сказал слово «сыр»? – Мария Спелетти, специалист по сыру из Ломбардии, отстала от мужа и присоединилась к двум женщинам. – Дамы, расскажите мне, что же нас ждёт? Ваша «уха» – это ведь просто рыбный суп, почему из этого устраивают такое представление?

– Ну, о том, что это не просто рыбный суп, вы сегодня услышите ещё сто раз, – рассмеялась Марина. – Но, в общем, идея хорошая. Волга, – она широким жестом обвела сверкающую речную гладь, – рыба, национальные традиции. Сейчас приедут столичные журналисты, и акция наберёт обороты.

– А почему журналистов не взяли с собой на яхту?

– Потому что кают мало, – ответила на сей раз Ольга. – Кают всего пятнадцать, а журналистов четверо или пятеро, так что Эдуард Михайлович оплатил им портальные переходы.

– Понятно, – улыбнулась ломбардская гостья. – А что, местные сыры и в самом деле интересны?

Разговор перешёл на профессиональные темы, Марина старалась, как могла. Ольга же тем временем шла следом и думала: «Главная причина того, что журналисты не плывут на яхте, кажется, в другом. Нашлось бы место, поселили бы кого-то вдвоём в каюте. Просто Эдик что-то попутно проворачивает, хотелось бы знать, что... А наши акулы пера не только перьями машут, они ещё и смотреть умеют, и выводы делать. Меня он не опасается по понятным причинам. Я, вроде как, своя. А почему он не боится Марину? И надо ли мне держаться с ней настороже?»

От яхт-клуба, где причалил «Люсьен Оливье», до городского парка было метров пятьсот. Ещё оттуда, с берега реки, можно было разглядеть, что народу в парке много. И народ этот ведёт себя активно: бродит между шатрами, стоит группками возле некоторых стендов, что-то обсуждает, размахивая руками.

Пархомов остановился в нескольких шагах от входа:

– Дамы и господа, помимо всего прочего, от нас с вами зависит, станет ли этот фестиваль ежегодным, или так и останется разовой причудой столичных дурачков, – кто-то среди поваров хмыкнул иронически. – Мы с вами не знаем, как нас примут...

– Да они и сами не знают, – прервал его Амир Гулиев, шеф-повар ресторана «Дикая охота». – Нормально всё будет, идёте. Нас уже заметили.

И они вошли в парк.

Какими бы ни были отношения между пассажирами яхты, как бы ни относились они к Эдуарду Пархомову и организованному им фестивалю, в одном этим поварам отказать бы никто не смог: они были настоящими профессионалами. И, начав работать, делали это хорошо. Дегустация ухи, а равно рыбных супов, рассольников, борща и щей – всё это было для них именно работой. И вот уже загудел где-то справа солидный бас Борисова, рассыпался мелкой дробью смех Мушинского, послышался голос Агнии, на повышенных тонах что-то вычитывавшей незадачливому повару... Эдуард, никем не узнаваемый, переходил в толпе от шатра к шатру и испытывал истинное наслаждение от того, что его идея сработала. Сработала! Никто не верил, что фестиваль получится, а он – вот, кипит! Народу полно, и ещё прибывает, слава всем богам.

По его расчётам для того, чтобы обойти двенадцать шатров, приедем понадобится часа два. Даже два с половиной, надо учитывать увлечённость любимым делом, заводной характер некоторых и медлительность других... Словом, у него есть два часа свободного времени, и этим следует воспользоваться.

– Володя! – позвал он негромко.

– Здесь, Эдуард Михайлович! – так же тихо откликнулся мужской голос у него за спиной.

К присутствию помощника Эдуард привык, даже стал воспринимать его как часть себя самого, такую дополнительную руку.

– Хорошо, что ты здесь, – кивнул Пархомов.

– Как велели.

– Журналюг привёз?

– Привёз, разместил, выдал экскурсовода и отправил на прогулку. Здесь будут к часу дня, то есть, через два часа с четвертью. Ну, может, чуть попозже.

– Отлично. Присмотри здесь, я вернусь примерно к этому же времени. Если что... Впрочем, глупости, – перебил Эдуард сам себя. – Пока котлы полны, до меня никому нет дела.

Он вышел из парка, прошёл от реки вверх по улице Макарьевской и растворился где-то в переулочках. Владимир Сошников, личный помощник фабриканта, винодела, владельца яхты и главного редактора журнала «Жизнь гастронома», проводил его взглядом, чему-то улыбнулся и повернулся к толпе.

«Так, – думал он, разглядывая особенно хорошенькую девушку в голубом сарафане. – Два часа – это совсем немного. Надо проверить, как оборудована сцена, согласовать речь с помощником городского головы и выудить кого-то, кто эту речь произнесёт. Шеф, разумеется, не озаботился решением этого вопроса». Он пробежал глазами список: ага, вот эта дама – сомелье Лариса Новикова. Сомелье вполне может произнести речь, если ей дать в руки готовый текст. И если дегустации спиртных напитков не начались прямо с утра. Вот интересно, убрал ли стюард яхты выпивку из кают, как ему было велено? «Тьма, – Сошников раздражённо поморщился. – Всё, что не делаешь сам, будет сделано неправильно! Ладно, придётся сверлить по месту. Журналисты появятся через полтора часа, надо для начала найти Новикову. Женщина-сомелье, это ж курам на смех! Конечно, может статься, она хорошенькая пухленькая блондинка, и кто-то просто помог девочке получить работу мечты? С другой стороны, шеф бы на это не повёлся...».

Он осматривал толпу, ища знакомые лица. И нашёл, конечно: прямо навстречу ему с деловым видом шёл Мушинский, шеф-повар ресторана «На Заречной улице».

– Миша, привет, – окликнул его Сошников. – Ты куда? Уже всё отпробовал?

– Да нет, половину примерно, – Мушинский поморщился. – Вот честно тебе скажу, успел раз пять пожалеть, что согласился. Кое-что неплохо, но ведь непрофессионалы, Володя! Да что говорить, вот неделю назад... Ты слышал, какую мне свинью подложили?

Сошников понимающе закивал и подумал: «А ты, можно подумать, весь из себя профессионал! Ты где учился, Миша? В кулинарном техникуме? И в ресторане твоём тебя су-шеф вывозит, а ты лицом работаешь...».

– Миш, покажи пальцем, где Лариса Новикова? – перебил он Мушинского, настроившего рассказать о кознях конкурентов. – Она ж с вами, ну, дама-сомелье?

– Лариса? – непонимающе нахмурился тот. – Ах, Лариса! Да вон же она, – и он ткнул пальцем в женщину, на которую Сошников бы ни в жизни не подумал: высокую, поджарую, с неторопливой грацией танцовщицы. – Так вот, я и говорю...

– Прости, Мишань, очень спешу! – Владимир ловко высвободил пуговицу своего блейзера, за которую рассказчик уже уцепился. – Вечером, ладно? Сядем в баре за рюмкой чего-нибудь подходящего, и ты мне всё расскажешь!

– Спешешь? – Мушинский хмыкнул. – Ну-ну, беги, стирай подметки.

И, отвернувшись, пошёл неторопливо куда-то по аллее.

Но собеседнику было уже не до него: он в несколько шагов догнал женщину и окликнул: – Лариса?

Через девяносто шесть минут Сошников облегчённо выдохнул и сел прямо там, где стоял, на край сцены. Всё было подготовлено, так сказать, шестерёнки смазаны, оставалось лишь нажать на кнопку. Иначе говоря, нужно было дезактивировать амулет, скрывающий от публики эту самую сцену, столик с призами, табло, на котором пока были выстроены только имена участников в алфавитном порядке. Вот сейчас появятся журналисты, через десять минут приедет городской голова... Где, интересно, Тёмный носит большого босса, господина Пархомова?

– Уволюсь, – прошипел Сошников сквозь зубы. – Вот доберёмся до последнего пункта программы, и уволюсь к свиньям собачьим.

Он увидел приближающегося деловой походкой местного экскурсовода, сопровождаемого небольшой группой людей, неуловимо чем-то между собой схожих, и встал. Работа продолжается.

Журналистов было пятеро, хотя в списке, который Пархомов передал ему несколько дней назад, значились шесть фамилий.

Экскурсовод быстро распроцался с группой – видно было, что надоели они ему ужасно – и ушёл в сторону котлов с ухой, откуда только что ветерком донесло дивный аромат.

– Ещё раз здравствуйте, господа, – сказал Сошников.

– И вам не хворать, – ответил за всех невысокий шатен, чем-то напоминающий боксёра в весе пера, не то движениями, не то настроенностью.

– Вас по-прежнему пятеро, кто-то отстал? По списку вроде бы вас шесть человек.

– Да, ещё девицу одну включили, – махнул рукой всё тот же шатен. – Она как-то сама добиралась. Чужая, новенькая, – пояснил он, и остальные четверо синхронно закивали.

– Ну, хорошо, – с сомнением протянул Владимир. – Надеюсь, она не заблудится. Итак, ваша задача...

– Мы в курсе. Освещение фестивалей ухи в Калязине, Мышкине, Рыбинске, Ярославле, – перебил его лидер группы. – В максимально положительном ключе.

– Очень хорошо. Сейчас выступит городской голова, затем один из участников тура, дальше будет обсуждение представленных блюд и награждение победителей. После всего этого вы можете быть свободны до вечера, в восемь часов – ужин в местном ресторане «Раки и карасики». Без спиртного! – он обвёл журналистов строгим взглядом.

– А вот это было грубо, – заметила невысокая крепко сложенная женщина с очень загорелым лицом.

– Прошу прощения, – присутствующие знали, что это не было извинением. – Если желаете попробовать что-то, представленное на фестивале, выдам вам платёжные амулеты, с которых спишется стоимость.

– Это хорошо, – радостно потёр руки высокий, бритый наголо и очень худой мужчина. – Тут ведь и не только рыба всякая, есть и другое? Ну, я имею в виду – мёд, сыр, сладости там всякие? Настоечки?

– Только рыба, – в голосе Сошникова лязгнуло железо. – За остальное платите сами.

– Ну-у...

– Так, Иванников, хватит, – лидер группы остановил разошедшегося коллегу.

– Напомните мне, кто какое издание представляет?

– Я – Юрий Невельский, газета «Ведомости». Это, – шатен кивнул на бритого любителя сладостей, – Ксенофонт Иванников, журнал «Домашний очаг».

– Тамара Храпцова, «Северная пчела», – чуть поклонилась женщина.

– Лука Вачнадзе, журнал «Огонёк».

– Влад Мозжухин, «Коммерсант».

– Хорошо, – Владимир поставил предпоследнюю галочку в списке. – Благодарю вас, рад знакомству. Господин Невельский, вот амулеты на вас пятерых. Надеюсь, вы получите удовольствие, а я попробую отыскать вашу... потеряшку.

– Если вы обо мне, то искать меня не надо, – раздался звонкий голос у него за спиной. – Я уже некоторое время здесь стою и наблюдаю, как эти господа меня игнорируют!

Повернувшись, Сошников увидел медно-рыжую косу, усыпанный веснушками нос и серые глаза с золотым ободком; совсем молоденькая девушка смотрела на него с вызовом и некоторой настроенностью. А за её спиной...

– Алекс? Ты здесь откуда? – Владимир потряс головой.

– Из Москвы, – хмыкнул Верещагин. – Сопровождаю даму в недалеком путешествии. Познакомься, Елизавета Бартенева, корреспондент «Магического вестника» и моя девушка.

– Очень приятно, – Сошников попытался щёлкнуть каблуками, но вовремя вспомнил, что на нём кроссовки. – То есть, вы и есть шестая персона в моём списке приглашённых журналистов? Отлично! – Тут он увидел, что толпа раздалась, и в их сторону неторопливо шествует высокий осанистый господин в тёмном костюме и с голубой розеткой в петлице. – Так, дорогие мои, я пошёл встречать местную власть. На ближайший час я для всех умер, потом увидимся.

И Сошников дезактивировал амулет, скрывающий от всех сцену. Публика негромко ахнула, гордый обладатель голубой орденской розетки увидел цель и двинулся к ней.

Калязинский городской голова откашлялся и начал речь. Лиза слушала внимательно, записывала на кристалл и делала какие-то пометки в блокнотике. Верещагин тоже попытался слушать, но быстро заскучал от общих фраз и стал осматриваться.

Парк как парк, старый, вон липы какие толстые. Ухоженный. Клумбы пусть и простенькие, но подобраны со вкусом... «Можно подумать, ты хоть одну клумбу в своей жизни вырастил! – одёрнул себя Алекс. – Нечего тут свысока смотреть! Хороший маленький город, чистый и аккуратный, двухэтажный, для спокойной жизни построен».

В этот момент Лиза фыркнула, сбив его с философского настроения.

– Что тебя веселит? – спросил он тихонько.

– На сцене сейчас представитель гостей, посмотри и послушай.

Алекс прислушался к тому, что говорила высокая подтянутая женщина средних лет с короткой стрижкой, и невольно улыбнулся: её речь была практически зеркальным повторением выступления городского головы, только фразы переставлены.

– Ничего не поделаешь, положено сказать, что уха – не то же самое, что рыбный суп, и что Волга способна прокормить всё население царства Русь, вот они и говорят, – пожал он плечами.

– А почему у здешнего главы розетка?

– Орден Почёта, – пояснил Верещагин. – Тридцать лет беспорочной службы. Ещё десять лет, и пенсия этого господина будет удвоена.

– Понятно. А почему?..

Лизу интересовало всё: возраст деревьев в парке, когда был построен Калязин, какой высоты вон та белая колокольня, почему всё-таки уха считается особым блюдом, какая рыба на неё идёт... Наконец выступления закончились, и возле столика с призами как-то неожиданно появился крепкий, даже чуть приземистый мужчина, коротко стриженный, в белой тенниске, на которой блестел золотом какой-то значок. Даже издали Алекс разглядел, что стоящий около сцены Сошников с облегчением выдохнул, и нахмуренное лицо его разгладилось.

– Ну что же, – произнёс тем временем мужчина в тенниске, – подошло время награждения лучших. Прошу пройти на сцену гостей... – один за другим поднялись по ступенькам те, кто приплыл на яхте. – Разрешите представить вам знаменитых шеф-поваров, прибывших из Москвы ради того, чтобы попробовать ваши работы. Итак, господа, вам слово!

Тут Лиза снова сдвинула брови, стала чрезвычайно серьёзной и активировала записывающий кристалл. Наблюдая за ней, Алекс тихонько посмеивался и немного умилялся. Вот ведь! Второй месяц работает в газете «Магический вестник» – важной, центральной, столичной газете, которую каждый маг читает утром за завтраком. Казалось бы, что этому серьёзному изданию репортаж о таком малозначительном событии, как фестиваль ухи в нескольких небольших волжских городках? А ведь несколько репортёров претендовали на то, чтобы поехать, и Лиза с блеском выиграла этот спор...

Тем временем табло заполнялось оценками, повара в белых колпаках и длинных фартуках выстраивались на сцене, и у всех были такие серьёзные лица!..

Вот высветилась последняя строка, и, повинувшись лёгкому кивку всё того же господина в белой тенниске, городской голова объявил:

– Итак, господа, вы можете видеть, как оценили эксперты, шеф-повара московских ресторанов, работу наших с вами горожан.

Плавный жест его руки указал на список, когда ощущение важности момента было расколото вдребезги.

– А я совершенно не согласна с выводами ваших экспертов!

Голос был такой звонкий, что, казалось, отразился от стволов старых лип и ясеней и вернулся к зрителям, умножившись многократно. Бритоголовый Иванников встрепенулся, повёл носом и стал проталкиваться вперёд. Собратья по перу привычно выстроились за его спиной гномьим хирдом¹ и двинулись следом. На сцене же набирал силу и разворачивался полноценный скандал.

Молоденькая девушка в таких же белых колпаке и куртке, как и прочие участники шоу, говорила, гневно глядя поочерёдно на городского голову и на организатора фестиваля.

– Или ваши эксперты никакие не повара, или они, простите, куплены! Потому что дать первое место красной ухе из «Большой кастрюли» – даже не смешно! Условие конкурса было: готовить из местной рыбы, выловленной сегодня утром и предоставленной организаторами. Было? – тут она круто развернулась к мужчине в тенниске. – Было, господин Пархомов?

– Было, – посмеиваясь, признал Эдуард.

– Ну вот! А красная уха, как известно любому поварёнку, готовится из лососевых рыб, которые здесь у нас не ловятся! Права я, господин Пархомов?

Владелец заводов и прочая развёл руками; глаза его по-прежнему смеялись.

– Николай! – окликнул он одного из пассажиров яхты. – Вот, господа, представляю вам ещё раз: Николай Борисов, владелец и шеф-повар ресторана «Рыбная неделя», – Борисов неохотно кивнул. – Так что скажешь, Коля?

– Что тут скажешь... Права барышня, не поспоришь, – пожал тот плечами.

– И что делать будем?

– Заново пробовать? – предложил Фозил Ким.

– Ага, конечно, – фыркнула девушка. – Всё съедено, уже и котлы помыли!

– Значит, надо сначала заново варить. А что, в чём проблема? – взгляд Кима стал неприятно цепким, упёрся поочерёдно в каждого из его коллег-шефов, а потом остановился на Пархомове. – Нехорошо с такого путешествие начинать, Эдуард Михайлович, сами знаете. Дороги не будет. Всё равно же завтра собирались загорать и купаться, ну, вот вместо этого и будем пробовать всё по новой, и оценивать уже по-честному. Эти оценки мы сейчас сохраним, – в его руках сверкнул гранями фиксирующий кристалл. – Сравним их завтра с новыми результатами, и все увидят, что судили мы по правде. Вас, барышня, как зовут?

– Мария Шехонская, – ответила та неохотно.

Пархомов нашёл взглядом своего помощника и показал на девушку; Сошников кивнул.

Толпа стала расходиться, обсуждая неожиданное представление. Журналисты поразмахивали руками и куда-то дружно направились; впрочем, Лиза Бартенева осталась рядом с Алексом. Подошедший к ним Владимир спросил:

– А вы с ними не пойдёте?

– Меня никто не звал, – фыркнула она. – Да и зачем? Они отправились писать статьи и передавать их в свои редакции.

– Но у вас же тоже редакционное задание?

¹ Хирд – монолитный боевой порядок гномов в виде тупоконечного клина.

– Задание, да. Только другое. Никто не станет выделять в «Магическом вестнике» место на описание мелкого скандальчика в провинциальном городе. Мне нужно написать большую итоговую статью по результатам вашего... как бы это назвать? Плавания!

– Круиза, – предложил Верещагин.

– Навигации, – не остался в долгу Сошников.

– Рейда, – кивнула Лиза. – Так вот, я буду писать, когда вернусь в Москву, а пока просто набираю впечатлений. И, кстати, немаловажная вещь: я хочу подчеркнуть те моменты, когда повара используют магию в кулинарии. Вдруг из этого получится целый цикл?

И она сладко зажмурилась, представляя себе первую страницу газеты со словами «Продолжение цикла статей Елизаветы Бартеневой – в следующем номере!».

– Тогда тебе нужно ещё будет взять интервью у Эдуарда Михайловича, – предложил Сошников внезапно. – Зря морщишь носик, он, вообще говоря, большой молодец. Всё вот это, фестиваль, яхту с поварами – всё это он сам придумал, осуществил и... ну, именно это называется «пробил». Понимаешь?

– Вполне. Я подумаю, ладно? Надо ж вопросы сформулировать!

– Формулируй, – разрешил он. – И я бы начал с главного вопроса этого фестиваля.

– Какого?

– Почему уха и рыбный суп – это не одно и то же?

– Ну и почему?

– Ты ведь не у меня интервью будешь брать, а у Пархомова, он и объяснит, – усмехнулся Владимир с некоторой зловредностью.

Не рассказывать же было девчонке, что лично для него всё вот это совершенно одинаково пахнет рыбой (фу!), и даже пробовать не хочется. Не складываются у него отношения с речными и морскими жителями, с самого детства не складываются...

– Да пожалуйста, я и сама узнаю.

Лизе очень хотелось показать ему язык, но могучим усилием воли она от этого удержалась. Как оказалось, и правильно сделала, поскольку к ним уже подошёл сам Пархомов.

– Володя, рыбу на завтра надо заказать, – произнёс он устало. – Не рассчитывал я на дополнительный день фестиваля, ну да деваться некуда.

– Сейчас займусь, – кивнул Сошников.

– Девица эта... Откуда она взялась?

– Эдуард Михайлович, вы ж фамилию слышали? Шехонская она, младшая дочь князя Николая.

– Ах, вон оно что! В батюшку характером удалась, – хмыкнул Пархомов, хорошо знакомый с самым крупным местным землевладельцем. – Я думал, однофамилица.

– Нет, княжна. В пику родителям пошла учиться в ярославский университет на маготделение и стала поваром.

– То есть, получается, она использует магию в процессе готовки? – вмешалась забытая собеседницами Лиза.

– Ну, и об этом лучше спрашивать не меня, а саму Машу Шехонскую, – засмеялся Владимир. – Кстати, Эдуард Михайлович, разрешите представить вам журналистку из самого влиятельного издания магического сообщества Царства Русь.

– Неужели «Вестник» прислал-таки? – вскинул брови Пархомов. – Ну что же, рад встрече, госпожа?..

– Елизавета Бартенева, – представилась она. – А это... Ой, Володя, а куда Алекс делся?

– Увидел знакомого, – махнул рукой тот. – Далекое не уйдёт, городок маленький.

Верещагин и в самом деле раскланялся со знакомцами из группки московских шеф-поваров. Потом остановился и покрутил головой, размышляя, чем бы заняться.

Лиза вцепилась в Пархомова.

Володя Сошников что-то втолковывал собеседнику в коммуникаторе.

Смотреть на кривляющегося на небольшой сцене местного конференсье было физически неприятно, хотелось поёжиться от неловкости и не слышать глупых шуточек.

Поддавая ботинком камушек, Алекс неторопливо побрёл к набережной. В конце концов, не зря же говорят, что на текущую воду можно смотреть бесконечно?

Река сверкала в солнечных лучах. Опершись локтями на гранитный парапет, Верещагин уставился на противоположный берег, не скованный камнем. Берёзы, спускающиеся почти к кромке воды, клумбы каких-то ярких цветов, белые скамейки... «Вот закончат мальчишки школу и уедут учиться в Лютецию, – задумался он. – Тогда брошу я разыскивать всяких негодяев, куплю здесь дом, хотя бы вот тот, голубой с резными наличниками. Летом буду разводить розы и капусту, а зимой топить печку...».

– Пока он молчит, – раздался женский голос за его спиной. – То ли не заметил, то ли таинственность разводит, не знаю. Но меня в его каюте никто не видел, так что можно быть спокойной, я ни при чём.

Шея у Верещагина закаменела. В том, что говорила по коммуникатору эта женщина, явно слышалось неправильное, незаконное, нечестное. Была и вторая неприятность: голос этот был ему хорошо известен. Оставалось лишь замереть, прикинуться гранитным столбом, деталью пейзажа, только бы не быть узнанным.

Он дождался, пока простучат за спиной каблучки, удаляясь куда-то в сторону центра города, покосился в спину прошедшей женщине: ну точно, Ольга. «Сам дурак, – сказал себе. – Почему было не посмотреть заранее, кто участвует в круизе? Нет, махнул рукой, расслабился, решил отдохнуть. Вот и получи! И думай теперь, как спиной к ней не повернуться»...

Ну да, был у них роман, почти завершившийся браком. С тех пор прошло... Верещагин прикинул – много прошло, лет семь уже, мальчишки тогда как раз во второй класс пошли. Ольга была молоденькой, очень хорошенькой школьной учительницей истории, оказалась впутана в дело, которое Алекс расследовал, и почти обвинена в доведении до самоубийства нескольких почтенных граждан. Почти – потому, что настоящего манипулятора он всё-таки нашёл и сдал Службе магбезопасности. А с девушкой решил познакомиться поближе...

Но с браком так ничего и не получилось. Сыновья возненавидели Ольгу мгновенно и сразу. Алекс пометался какое-то время, пытаясь примирить воду и масло, но, в конце концов, сел и стал думать: а в чём, собственно дело? Ведь не просто так Стаса и Сержа аж трести начинают, когда отца подруга в дом входит... Срабатывает у них просыпающаяся магия, интуиция, или это просто ревность и надежда на возвращение родной матери?

Что бы там ни срабатывало, а дороже детей для Верещагина не было никого, поэтому с Ольгой он расстался, постаравшись сделать это максимально безболезненно. Вышло, по-видимому, не очень: девушка обиделась, и всерьёз...

И что школьная учительница истории делает в круизе шеф-поваров?

Круто развернувшись, Алекс зашагал обратно в парк. Надо собраться, включить мозги и для начала просмотреть список участников фестиваля, как пассажиров яхты, так и тех, кто будет их ждать в каждом следующем городе.

На высказанную просьбу Сошников покачал головой:

– Не могу. Нету у меня никаких списков по городам. Кто на яхте плывёт я, конечно, знаю, и тебе перечислю, но вот участников фестиваля подбирал и согласовывал с местными властями Эдуард Михайлович. Сам лично. А что, собственно, тебя беспокоит, кроме того, что Ольга стащила нечто из каюты босса? Не возит он с собой бриллиантов или артефактов.

– Столкнуться вот так, в маленьком чужом городке, со своей бывшей...

– Да полно! – развеселился приятель. – С бывшей можно даже в пустыне столкнуться: ты, она и два верблюда! А тут какой-никакой, но город.

– И что школьная учительница делает на фестивале ухи?

– Слушай, прошло семь лет! За это время у человека полностью обновляются все клетки, а она всего-навсего сменила работу. Сам подумай, было ей тогда двадцать два...

– Двадцать три, – мрачно поправил Алекс.

– Ну вот! Получается, сейчас уже тридцать. Другой характер, другие взгляды на жизнь, всё поменялось. Уверен, сердиться на тебя она давно перестала.

– Володь, да я всё это знаю, – поморщился Верещагин. – Но вот свербит что-то внутри, беспокойно мне.

– Сыщицкая интуиция? Вот только этого не надо, фестиваль – дело важное лично для меня! Если проект пройдёт без осечек, меня ждёт немалая премия.

– Я хочу поговорить с твоим боссом.

– Без проблем, – пожал плечами Сошников. – Твоя подружка будет его интервьюировать, вот и поприсутствуешь, и спросишь что-нибудь. А там видно будет... Только ты имей в виду: прежняя наша ресторанный критикесса, если можно так выразиться...

– Не люблю феминитивы, – буркнул его приятель.

– Кстати, зовут её Марина, – продолжал Владимир, словно и не заметив, что ему возражали. – И она тоже плывёт с нами на яхте. Так вот, Марина была по совместительству любовницей Пархомова. А теперь обе должности, если можно так выразиться, заняла Ольга.

– И все они дружной компанией отправились в круиз...

– Именно. Сам понимаешь, Эдуард Михайлович – калач тёртый, и про своих дам всё сам знает. Если на что-то не обратил внимания, значит, или время не пришло, или это вообще неважно.

– Ладно, ладно! – Алекс поднял ладони в защитном жесте. – Не надо – и не надо, мне спокойнее. Вечером Лиза возьмёт у него интервью, а завтра мы отправимся в следующий город, и будем ждать вас там, ну, или как-то так. Что дальше по плану?

– Мышкин, – ответил Сошников.

Ресторан «Раки и карасики», располагавшийся в тихом переулочке совсем рядом с главной улицей города, вечером закрылся на спецобслуживание. Иначе говоря, господин Пархомов оплатил полностью время с шести вечера до часу ночи. Оплатил бы и на подольше, хоть бы и до утра, но распоряжением градоначальника вот уже много лет в Калязине все заведения должны были закрываться не позднее, чем через час после полуночи...

В данный момент с кухни доносился стук ножей, официанты и бармен протирали бокалы, а босс и его личный помощник спорили о рассадке гостей.

– Володя, мы с тобой это уже обсуждали!

– Да уже не первую неделю воду в ступе толчём, – буркнул себе под нос Сошников, потом продолжил уже громче. – Эдуард Михайлович, я бы не стал сажать журналистов с градоначальником за один стол! Да и местных шефов с нашими нужно смешивать осторожно. Я вот посмотрел сегодня, кто с кем нормально говорил, и набросал...

Пархомов фыркнул.

– Ладно, согласен. Тогда как? Один стол для местного руководства и два длинных для приезжих и местных шефов?

– Можно так, а можно, например, поставить отдельные круглые столы человек на десять, и за каждым оставить одно свободное место.

– Зачем?

– Чтобы вы могли подсесть и поговорить. Или тот же градоначальник, если ему захочется. Или даже кто-то из журналистов, они же должны собирать материал.

– Ладно, – Пархомов махнул рукой. – Делай так, согласен. Схему рассадки ты подготовил?

– А как же!

По щелчку пальцев Сошникова в воздухе развернулась цветная картинка: прямоугольный зал, белые кружки столов, возле каждого светится снимок и фамилия персонажа.

– Ага, ага... – бормотал Эдуард, разглядывая схему. – Девочку эту, Шехонскую, посади вот сюда, с Кимом. Точнее, между Кимом и Мушинским, – Владимир поднял глаза на босса, ожидая пояснений. – Эти двое давно в контрах, лет десять уже сцепляются по каждому поводу. А при ней...

– Думаете, постесняются? – хмыкнул Сошников.

– Это вряд ли, не тот народ. Но девочка станет говорить о кулинарии, и они вынуждены будут поддержать.

– Ладно, – пробормотал помощник, перетаскивая значки. – А Марину куда? И Ольгу – рядом с вами?

– Да ну их обеих к Тёмному! Посади как-нибудь в разных концах зала. Марину, пожалуй, рядом с Газаряном, бартендер² – тот же психотерапевт, только спектр лекарств шире...

Старший официант поймал кивок Владимира, и по мановению его руки десяток мальчиков и девочек в белых рубашках и длинных фартуках рассыпались по залу, расставляя столы и застилая их разноцветными скатертями с изображениями развесёлых раков и широко улыбающихся карасей.

Эдуард ещё раз осмотрел схему, потом устался на один из белых кружков и ткнул пальцем в снимок:

– А это кто? Какой-то Верещагин...

– Это спутник журналистки из «Магического вестника». Я его хорошо знаю, мой давний приятель.

– И что, тоже из этих... борзописцев?

– Нет, Эдуард Михайлович. Вообще-то он частный детектив, но сейчас просто отдыхает. Вы возражаете?

– Да нет, пусть будет. Может, и хорошо... – Тряхнув головой, босс оглядел зал. – Цветы заказал?

– Да, ребята расставят, когда закончат сервировку.

– Ну, отлично, меню согласовано, программа вечера расписана... – тут Пархомов широко зевнул и смущённо качнул головой. – Извини, спал плохо последние дни.

– А вы пойдите и прилягте на часок, тут в кабинете директора очень удобный диван.

– Да? Ну, пожалуй, так и сделаю...

Он ещё раз зевнул, потёр ладонью загривок и поплёлся следом за помощником.

Вернувшись в зал через пару минут, Сошников повёл плечами, словно сбросил с них невероятную тяжесть, хлопнул в ладоши и сказал громко:

– Значит, так, друзья мои! Слушайте внимательно, и не говорите, что не слышали. Во-первых, изучите схему рассадки, вот каждому копия, – из его ладони вылетела стайка листов бумаги и, повинаясь жесту, приземлилась в руки каждому официанту. – Обратите внимание на пометки. Кружками помечена аллергия, цветом обозначено, на что именно, расшифровка на обороте. Квадратиками – склонность к излишней выпивке. Галочками – возможная агрессивность. В случае нестандартных ситуаций можно обращаться ко мне, и вот к этим двоим, – на большой схеме особенно ярко загорелись снимки Верещагина и Фозила Кима. – Во-вторых...

² Бартендер – бармен с расширенными полномочиями. Для бартендера общение с клиентом – это «полномасштабная операция, цель которой окружить посетителя бара заботой и вниманием, дать ему положительные эмоции, приготовить не обыкновенный напиток, а произведение искусства». Настоящий бартендер должен уметь определить настроение гостя, угадать его вкусовые пристрастия, найти общий язык и знать все секреты приготовления коктейлей.

Он говорил, и лица официантов светлели – этот человек максимально облегчил им работу. Всё-таки не каждый день в их ресторане случаются такие мероприятия, и все, даже опытный метрдотель, изрядно волновались.

Договорив, Сошников вышел во двор, сел на скамеечку рядом с клумбой цветущих бархатцев и устало вытянул ноги. Можно было отдохнуть целых... Он взглянул на часы и удовлетворённо улыбнулся: целых полчаса.

Алекс осматривал зал ресторана уже безо всякого интереса, всё было понятно и так. Стол больших боссов – Пархомов, городской голова с женой, ещё пара местных шишек; «генералитет» выступил с короткими речами и теперь расслаблялся.

Московские шефы были рассажены с местными, и оно как-то удачно вышло: споры вспыхивали то тут, то там, и нешуточные, но, пока спор идёт о способе приготовления карамели, охрана может не сильно волноваться.

Маша Шехонская, на которую поначалу организаторы поглядывали с напряжением, ожидая подвоха, таяла под речи Кима, и совершенно явно не собиралась портить вечер. Да и зачем? Своего она добилась, завтра будет вторая сессия конкурса, и уж тут каждый станет ревностно следить, чтобы никакого жульничества не случилось.

Пятерка столичных журналистов действовала слаженно: сперва они пробовали всё поданное, переглядывались и делали заметки в блокнотах, потом доедали блюдо до последней крошки.

Кухня в «Раках и карасиках» была, нетрудно догадаться, рыбная. Речная. Эту деталь местный шеф-повар, Василий Ломакин, подчеркнул особо, когда представлял меню своего ресторана.

– Раки – твари нежные, – гудел он, одной рукой держа за талию краснопанцирного зверя размером чуть не с локоть. – Им все эти майонезы и прочие соусы не нужны, довольно лаврового листа и чёрного перца. Главное – варить в хорошей, правильной воде!..

Далее Василий прошёлся по ухе (гостям подавали рыбацкую, с судаком и налимом³, карасям в сметане и прочим нехитрым и хитрым радостям речной кулинарии.

Верещагин покосился на Лизу: блестит глазами, смеётся вовремя, что-то черкает в блокноте, а уж кристалл для записи работает бесперебойно.

– Ты что, и правда умеешь готовить? – спросил он, склонившись к её уху.

– Ну, пока не очень, – хихикнула девушка. – Но научусь!

Гости уже расслабились, ожидая подачи десерта – суфле шоколадного из сметаны⁴ – когда в глубине зала возник какой-то шум. Алекс насторожился и посмотрел на стоящего возле двери Сошникова. Тот кивнул и направился было в сторону непонятного шума, но босс поднял ладонь, и все остановились в ожидании.

– Ты думаешь, ты великий повар? – раздался громкий женский голос. – Да ты даже манную кашу без комочков сварить не сможешь!

³ Уха рыбацкая (на 1 порцию) Рыба – мелочь (ерши, плотва, окуньки и др.) 100, судак 63, налим (речной и озерный) 61, картофель 150, лук репчатый 25, петрушка 5, масло сливочное 8, перец горошком 0,05, лавровый лист 0,02, зелень петрушки или укропа 2, вода 550. Мелкую рыбу потрошат, тщательно промывают, заливают холодной водой, солят и варят. Готовый бульон процеживают. Судак разделяют на порционные куски – филе с кожей и костями, налим – филе без кожи с реберными костями. В процеженный кипящий бульон кладут очищенный картофель целыми клубнями (небольшого размера), очищенный лук целыми головками, корень петрушки, нарезанный тонкими кружочками, и варят. За 15 мин до готовности картофеля кладут подготовленные порционные куски рыбы. По окончании варки в уху кладут сливочное масло. (Л.А. Старостина, Р. В. Добросовестная «Рыбные блюда», «Экономика», М., 1983)

⁴ Суфле шоколадное из сметаны. 1/2 стакана муки, 2 стакан сметаны, 1/8 фунта тертого шоколада, немного толченого кардамона и корицы вскипятить, мешая до гладкости, остудить, положить 6 желтков, добела растертых с 1/3 стакана сахара, 6 взбитых белков, размешать, переложить в серебряную кастрюлю или фаянсовое глубокое блюдо. вставить в печь на 1/2 или 3/4 часа; к нему подаются сливки. (Елена Молоховец, «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», 1901, СПб, Типография Н.Н. Клобукова)

– А я люблю кашу с комочками, – задумчиво проговорила Лиза. – Вот её никто нарочно варить не умеет, и очень жаль.

Скандал же продолжал разворачиваться.

Марина стояла над одним из московских шеф-поваров, Алексеем Власовым, тыкала его в плечо острым твёрдым пальцем и говорила:

– Ты нашёл удачное название, «Печь и котелок», и думал, этого довольно? Да твои повара петрушку от пастернака не отличат, если им не сказать, что есть что! К твоим бы ценам, да ещё и умение готовить... – Она махнула рукой и повернулась к соседнему столику. – О, сладкая парочка, брат с сестрой Казаковы! А вы точно брат и сестра, а? Ходят слухи, знаете ли!.. – покрутив в воздухе рукой, она оперлась ею на спинку стула и продолжила. – Похлёбкин, в честь которого вы свой ресторан обозвали, готовить не умел вообще! Писать умел, да и то врал половину! А вы упёрлись в его книги как в святое писание, и думаете, публика это оценит. Публика – дура, ей надо погорячее, а у вас всё пресное, вываренное... Изы-ысканное!

– Алекс, она ж пьяна вусмерть, – проговорила Лиза, глядя на госпожу Красовскую с неожиданным сочувствием. – Почему никто не уведёт её отсюда проспаться?

– Босс не велел, – с непроницаемым лицом ответил Верещагин. – Ему надо, чтобы дама себя скомпрометировала, и она успешно это делает. Теперь ей не то, что программу на первом канале не дадут, её не возьмут в газету «Пахарь Черноземья» писать отчёты об удое пчёл.

– Какая гадость, – отодвинул от себя тарелку с нетронутым суфле, простонала девушка, и закрыла лицо ладонями.

Красовская же продолжала гастроль. Атмосфера в зале сгустилась, общее молчание нависло над всеми и уже начинало потрескивать разрядами. Пархомов нашёл взглядом помощника и еле заметно ему кивнул; Владимир вышел и вернулся через несколько минут с пожилым господином в золотом пенсне, с седой бородкой клинышком, с кожаным пухлым чемоданчиком в руках. Тот глянул на нарушительницу равновесия, пробормотал: «Ага», подошёл к Марине и положил ладонь на её предплечье. Женщина развернулась, дико глянув на него, хотела что-то сказать, но вдруг глаза её закатились, она обмякла и почти рухнула, подхваченная с обеих сторон доктором и Сошниковым.

Через мгновение в обеденном зале стало тихо, ничто больше не нарушало благолепие.

Впрочем, дышать отравленной атмосферой не хотелось никому, а выступление Марины изрядно её подпортило. Первым откланялся господин градоначальник, затем общий исход принял массовый характер. Не прошло и четверти часа, как в «Раках и карасиках» оставались лишь Пархомов с помощником, вернувшийся в зал маг-медик, Алекс с Лизой и отчего-то Фозил Ким с Машей.

– Что с ней? – мрачно поинтересовался Эдуард у мага-медика.

– Ничего серьёзного, – пожал тот плечами. – Сильное перевозбуждение плюс немалая доза алкоголя плюс что-то, что послужило спусковым крючком. Не знаю, какое-то известие или что-то ещё.

– И что дальше?

– Проспит до завтра, проснётся примерно к полудню очень голодная и в большой слабости. От спиртного лучше пару дней воздерживаться, а так – никаких последствий быть не должно.

Когда маг-медик ушёл, получив своё – и немалое – вознаграждение, Лиза сказала негромко:

– Я видела, она читала магвестник.

– Когда? – повернулся к ней Алекс.

– Перед ужином. Я пошла помыть руки, она была там, в дамской комнате. Сидела на пуфике, читала записку и тихо хихикала. Выглядело это жутковато... – она поёжилась.

– И что было в записке? – спросил Пархомов нетерпеливо.

Повернувшись, Лиза посмотрела на него в упор.

– Я должна была спросить? Или вырвать записку у нее из рук и прочитать?

– Прошу прощения, – опомнился хозяин заводов и пароходов. – Увлёкся.

Глава 2. Калязин, день второй

Уха из стерляди с шампанским.

Выдать: 2-3 ф. ершей, окуней и сига Или 1 курицу; ½ ф. белых кореньев; 1 ½ – 2 луковицы, букет зелени;

3 зерна англ. перца, 1 лавр. лист; 1/3 ф. паюсной икры или 2-3 яичных белка.

3 ф. стерляди, ½ лимона.

(1/2 бутылки шампанского или сотерна).

Зеленый укроп (зеленый лук).

Сварить 2-3 фунта мелкой рыбы, как-то: ершей, окуней, сига или 1 молодую курицу с белыми кореньями, пряностями и солью, варить под крышкою, на медленном огне, часа два, снимая накипь, чтобы рыба разварилась, процедить сквозь сито, очистить, кто хочет, паюсную икру; процедить сквозь салфетку.

Между тем очистить стерлядь, нарезать на порции, вытереть до суха полотенцем.

За 30 минут до отпуска, вскипятить процеженный рыбный бульон, опустить в него стерлядь. Когда закипит и стерлядь всплывет кверху, отставить на легкий огонь и варить еще с четверть часа. Выложить осторожно рыбные звенья в суповую чашку, всыпать зеленого укропа, залить процеженной ухой.

Любители прибавляют в эту уху: шампанского Кликко и сотерну высокога сорта, отдельно раз вскипяченного. Подаются отдельно полудомтики лимона, очищенного от кожицы и зерен. Многие любят и зеленый мелко изрубленный лук.

Елена Молоховец, «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», 1901, СПб, Типография Н.Н. Клобукова

Как сочетаются в вашем сознании слова «утро» и «яхта»?

Да отлично! Если утро настает для вас не рано и не поздно, а, так сказать, «в плепорцию», в одиннадцатом часу, и начинается с завтрака в постель... На подносе подрумяненные тосты, масло в хрустальной розетке, немного икры, немного апельсинового джема. Луч солнца отражается в серебряном кофейнике, на сливках появилась золотистая пенка, распускающаяся роза в маленькой вазочке пахнет летом.

Представили?

Так вот, ничего этого пассажиры «Люсьена Оливье» не получили.

Корабельный колокол (рында, если кто не знает) пробил в половине восьмого, а через час, позёвывая и поёживаясь от речной свежести, знаменитые московские шеф-повара топали по трапу в сторону городского калязинского парка. Местные же кухмейстеры уже работали вовсю: кипятили воду в котлах, резали овощи, чистили рыбу и ругали поварят.

Всего уха варилась в двенадцати шатрах, и москвичи решили не расплыться. Каждый взял на себя присмотр за двумя участниками состязания – где-то советовал, где-то ругал, а где-то и помогал. Через пару часов, когда процесс уже пошёл, и возможно стало распрямиться, утереть пот и даже перекурить, трое мужчин в белых куртках с вышитыми именами отошли в сторонку и встали так, чтобы их разговор трудно было услышать.

– Что ты хотел, Коля? – спросил Мушинский.

– Вчера я видел Жаркова.

– Кого? – слаженно спросили его собеседники, а Амир Гулиев добавил: – Ты уверен, что это был именно он?

– Уверен. Вчера в толпе, пока Пархомов речь толкал, я стоял позади него и чуть сбоку. У Димы был шрам на левой щеке, вертикальный, от виска вниз, помните? Ну вот – и шрам, и

серьга в ухе, и профиль... Жарков Дмитрий Геннадиевич, собственной персоной. Заматерел, может быть, но даже и постарел за эти годы не особо.

– Мне говорили, он после того скандала уехал куда-то на юга, к морю, – задумчиво проговорил Мушинский. – Бросил готовку, купил не то пансион, не то просто дом...

Николай Борисов усмехнулся:

– Жить в глухой провинции у моря? Ты сам знаешь, готовку бросить труднее, чем женщину, кухня так просто не отпускает.

– Эка ты сравнил!

– И тем не менее, – твёрдо повторил Борисов. – Это был Жарков. Из всех нас он не знает и не ненавидит только Фозила.

– Восемь лет назад Фозил ещё и в Москву-то не приехал, – Амир покачал головой. – Конечно, я гадостей не делал никому и никогда. Но я остался, а ему пришлось уйти, так что да, ты прав: всех нас Жаркову любить не за что.

– А Маринку он видел? – спросил вдруг Мушинский. – Начала тогда травлю именно она...

– Кто ж знает, кого он видел? Только вот насчёт Пархомова можно знать наверняка.

– Эдика Жаркову тоже любить не за что, Маринка к нему и ушла от Димы. Хреново, – для убедительности Амир сплюнул. – Будем предупреждать остальных?

– Подумаем. Если он снова появится, предупредим.

И знаменитые повара разошлись в разные стороны с таким видом, словно только что обсуждали состав секретной приправы к рыбе или травили анекдоты, или держали пари на то, кто же выиграет сегодняшний конкурс...

Лиза точно знала, что она должна быть на месте вместе с поварами. Уже к восьми утра она оделась, причесалась и стучала в дверь комнаты Алексея, торопя его.

– Слушай, а завтрак? – он держал в руке зубную щётку. – И побриться бы я не отказался...

– Тогда я пошла одна, а ты приходи поскорее! Или нет, – она остановилась и повернулась к Верещагину. – Тебе это всё равно неинтересно, так ведь? Пока я буду смотреть, как они готовят, поищи мне в Сети статьи о применении магических методов в кулинарии. Пожалуйста!

– Ладно, ладно, беги, – махнул он рукой. – Я тогда приду часам к двенадцати.

Не успел Алекс договорить фразу, как девушки и след простыл, только каблучки простукали по лестнице. Он усмехнулся и пошёл заканчивать утренние дела.

В парке пока было малоллюдно, только в каждом из шатров кипела работа. Оценив масштаб. Лиза кивнула сама себе, мол, правильно пришла с утра пораньше, и первым делом направилась к навесу, над которым была лаконичная надпись: «Трактир «Флотилия». Маша Шехонская помешивала что-то в маленьком котелке, губы её безостановочно шевелились, а левая рука ныряла то в один, то в другой мешочек, баночку или ещё какую-то ёмкость. «Сушная ведьма!», – хихикнула про себя Лиза и подошла поближе. Один из помощников, отчаянно веснушчатый юноша, сделал ей страшные глаза и прижал к губам палец. Понятливо кивнув, Лиза замерла, наблюдая за процессом. Ей было видно немного больше, чем всем остальным: в дополнение к довольно слабой стихии воздуха природа или боги внезапно расщедрились и выдали ей особый, редкий дар – умение видеть магию. Ей не нужно было переходить на магическое зрение, чтобы рассмотреть магические потоки. Вот сейчас, например, с пальцев Марии срывались ярко-алые и яблочно-зелёные молнии, падали в котелок и там беззвучно взрывались.

Между тем цвет жидкости в котелке заметно поменялся, она стала совершенно прозрачной, золотистой, а по края побежали пузырьки. Отряхнув руки – Лиза увидела, как с пальцев

сорвались и канули среди пузырьков крохотные радужные искры – Маша отошла от горелки и сказала веснушчатому юноше:

– Васенька, через пять минут вылей в большой котел и медленно помешивай двадцать минут, понял?

– Понял.

– Хаким! – из-за занавески вынырнул ещё один очень юный помощник и подошёл к шеф-повару. – Рыба разделана? – тот кивнул. – нарежь на порционные куски. Присоли, поперчи, чуть сбрызни белым вином, когда Василий домешает, будем выкладывать.

Шагнув чуть в сторону из-под шатра, она присела на табуретку и зажмурилась. Лиза подошла поближе и спросила:

– Говорить можешь, или лучше не трогать?

– Говорить – могу, – усмехнулась Мария, не открывая глаз. – Делать какое-то время ничего не смогу. Садись тут вот рядом, спрашивай. Ты ж из этих, из журналистов?

– Корреспондент «Магического вестника» Елизавета Бартенева, – с законной гордостью подтвердила Лиза.

– Ого! Ну, спрашивай, если есть вопросы.

– Полно! – раскрыв блокнот, акула пера нацелилась карандашом на первый из подготовленных вопросов. – Это магия воздуха, воды? Какая стихия?

– Сложно сказать. Нет, правда, сложно. Я ничего не скрываю, просто у меня резерв небольшой, но зато одинаковый в четырёх стихиях – вода, воздух, жизнь и что-то вроде ментала, но узконаправленного. Вот скажи, ты сколько оттенков вкуса яблока различаешь?

– Понятия не имею, – призналась Лиза чистосердечно.

– А я как-то посчитала из любопытства. В одной только антоновке больше тридцати. Поэтому, сколько бы мне отец ни говорил, что быть поваром – это недостаточно для княжны, я-то лучше знаю, для чего я гожусь.

– Ну, хорошо, оттенки вкуса. То есть, ты отличишь, если в яблочном пироге будет не та же антоновка, а, скажем, штрифель?

– Шутишь – фыркнула Мария. – Я отличу, если в него положат не цейлонскую корицу, она же кинамон, а чиньскую кассию!

– Это классно! – вал вдохновения подхватил Лизу, и вопросы посыпались, словно горох из мешка...

Ощущения были классические: во рту словно табун ночевал, виски ломит, в затылке молоточки стучат. Марина открыла глаза и охнула, таким резким показался ей дневной свет. Она выпростала руку из-под одеяла, в которое ухитрилась туго-туго завернуться («Вот почему мне снилось, что меня связали!») и нащупала на тумбочке часы.

– Половина двенадцатого... Ах, холера, выходит, я всё пропустила! И ни один гад не пришёл и не разбудил. Впрочем, – тут она усмехнулась и снова поморщилась, так отдалось в голове. – Впрочем, похоже, что, если бы и приходили будить, я бы не услышала.

Женщина окончательно выбралась из постели и, пошатываясь, побрела в ванную. Там взглянула в зеркало и снова усмехнулась:

– Да-а, похоже, вчерашний вечер останется незабываемым в памяти бывших друзей... Ладно, для начала умоюсь, потом подумаю, что делать.

Когда Марина вернулась в каюту, обнаружилось, что недобрые слова из её уст звучали зря – как минимум, экипаж яхты о ней позаботился. На столике стоял поднос, на котором исходила паром кружка с горячим бульоном, сухарики в вазочке поблескивали кристалликами соли, рядом стоял заварочный чайник и всё, что к утреннему чаю полагалось. Поздний завтрак был накрыт стазисом и потому остыть не мог. Тем не менее, Марина покривилась и сказала хрипло:

– Я бы предпочла бокал шампанского! Хотя что-то такое доктор вчера говорил насчёт того, чтобы избегать спиртного. Да-да, «от спиртного лучше пару дней воздерживаться», старый сухарь! Ну-ка, посмотрим, что у нас есть в баре?

Через мгновение она с изумлением обнаружила, что в баре, вчера ещё полным любых напитков, остались только соки и вода.

– А это тогда что такое?

С кружкой в руках, прихлёбывая бульон, Марина подошла к большому зеркалу. На столике перед ним стоял хрустальный графин, до половины налитый золотисто-коричневой жидкостью. Поставив кружку, она открыла пробку и осторожно понюхала.

– Виски, – с тяжёлым вздохом вернула пробку на место. – Нет, простите, пойду пить чай. Этот нектар – только вечером и не больше пары порций, иначе сегодняшняя головная боль за счастье покажется. Кстати... – потеряв виски, пощупав затылок, она поняла, что утреннее состояние слабости и болезненности растаяло без следа, уступив место здоровому голоду. – Что там ещё было, гренки? Отлично, давайте гренки! А потом в душ, одеваться, и в город, и пусть местные горе-повара прячутся в своих опустевших котлах.

Уже одетая, накрашенная, выглядевшая так, словно мага-медика накануне вечером вызывали к кому-то другому, Марина остановилась в дверях, посмотрела на графин и покачала головой.

– Не знаю уж, кто принёс сюда этот нектар, но вечером я его опробую. Надо прибрать...

И хрустальный сосуд со всей осторожностью был отправлен в пустой чемодан.

Тем временем народу в парке прибывало и прибывало, так что городской голова только покачал головой и негромко сказал стоявшему рядом начальнику городской стражи:

– Вызывай подкрепление, Гемхард, и пусть начнут с установки ограждения, пока нам газоны вусмерть не вытоптали.

– Сейчас магическое поставим, – огладил длинную тёмную бороду стражник, и махнул рукой кому-то в толпе.

Не прошло и пяти минут, как стражники в форме отгеснили от газонов и клумб всё увеличивающуюся толпу. Надо отдать должное почтенному Гемхарду Рокхеверу, делалось всё вежливо, со всем уважением, а кое-где – со смешками и шуточками. Городок-то небольшой, все всех знают...

Впрочем, любой, кому посчастливилось попасть на службу в городскую стражу Калязина, точно знали, что начальник второй раз повторять не станет, но за своих встанет горой.

Одному лишь быстроногому Гермесу, богу путей и дорог, известно, как занесло в маленький волжский городок гнома из знаменитого клана бухгалтеров, но вот – занесло. Гемхард прижился, женился на местной красавице Марусе и завёл с нею пятерых детей. Несмотря на то, что доставал он жене чуть выше плеча, говорила Маруся о нём исключительно с придыханием, называла на вы и слушалась беспрекословно.

Впрочем, это другая история...

Вчерашнее выступление Маши Шехонской, разумеется, уже стало известно всему городу. Каждый, кто мог, считал своим долгом попробовать хоть ложечку ухи у поваров трактира «Флотилия» и у их основных конкурентов, ресторанов «Дом номер восемь» и «Звезда рыбака». А уж начав пробовать, остановиться было трудно... Звенели монеты, сверкали вспышкой платёжные кристаллы, пахло хорошей едой и только что испечённым хлебом, и над всем городским парком – да что там, над всем Калязиным! – плыл густой аромат только что сваренной ухи.

Повара «Флотилии» сняли с огня уже шестой котёл, и бледная аж в зелень Маша колдовала над следующим.

– Слушай, тебе отдохнуть надо, – с тревогой сказала Лиза, обошедшая всех конкурсантов и вернувшаяся к новой подруге.

– Не могу сейчас, заклинание посередине не бросишь, – ответила та, локтем пытаясь отвести со лба прилипшую прядь. – Но это последняя порция, вот закончу и выпью чаю.

– Принести?

– Принеси, пожалуйста. И сладкое что-нибудь!

– Ага! Алекс, где здесь был чай?

– Идём, провожу, – Верещагин взял девушку за локоть и провёл сквозь клубящийся народ к шатру, под которым из огромного двухведёрного самовара разливали кипяток. – Вот, заказывай.

Лиза погрузилась в изучение сортов напитка, а Алекс отправился искать, где же продают мёд. Увидев искомую вывеску, он шагнул вправо и нос к носу столкнулся с Ольгой.

– Ты-ы? – спросила она удивлённо. – Что ты здесь делаешь?

– Приехал за ухой, – буркнул детектив. – Ты ж меня вчера видела на ужине, чего удивляешься?

– Не видела, – она покачала головой. – Я сидела далеко, в глубине зала, да и ушла сразу после закусок. Плохо себя почувствовала.

– А-а, понятно.

В воздухе повисло неловкое молчание. Алекса толкнули в спину, потом ещё раз, потом наступили на ногу, и он разозлился:

– Оль, я пойду, меня ждут! Мы дальше по вашему маршруту поедем, так что ещё увидимся!

И он мастерски ввинтился в толпу.

– Мы? – спросила Ольга. – Интересно... Ладно, поглядим. И в самом деле, меня тоже ждут!

Большая кружка сладкого чая с земляникой и мятой плюс пиала с золотым прозрачным мёдом совершили почти мгновенное чудо: Маша порозовела, растаяли тёмные круги под глазами, и кожа снова сделалась светящейся и гладкой.

– Ты выложились почти насухо, резерв практически исчерпан, – покачал головой Верещагин. – Ещё немного, и стала бы тратить уже жизненные силы. Часто ты так?

– Нет, конечно. Мы столько и не готовим у себя в ресторане, у нас всего-то полтора десятка столиков.

– А когда будут объявлять результаты? – спросила извертевшаяся Лиза. – По-моему, пора: котлы пусты, приглашённые судьи всё попробовали и уже полчаса совещаются!

– Минут десять ещё, – Алекс, как самый высокий, видел, что судьи спорят, что-то вычёркивая или подчёркивая на большом листе бумаги.

– Ладно, – его подруга удовлетворённо кивнула и повернулась к Марии. – Тогда расскажи мне, как ты используешь магию в кулинарии. Тебя этому учили?

– Конечно, нет! – девушка рассмеялась. – Учили общим принципам, ну, и технике, конечно.

– Технике?

– Ну да! Понимаешь, когда тебе нужно для супа нарезать одну луковицу и две морковки, это можно делать как угодно. А если счёт идёт на килограммы, то спасти может только правильная техника. Точно так же с разделкой рыбы, с нарезкой мяса... Как приготовить суфле, чтобы оно не село, почему в плове рис рассыпчатый, а в ризотто – кремовый, и вообще, чем отличаются один от другого сорта риса или, допустим картошки... – Маша могла говорить на эту тему ещё очень долго, но посмотрела на поскучевшие лица собеседников и махнула

рукой. – Короче, этому точно так же надо учиться, как грамотному письму или решению квадратных уравнений.

– Но это же не магия! Это просто кулинария! Ну, ладно, не просто, а сложно, но всё равно – не магия, – упрямо повторила Лиза.

– А по магическим приёмам нам давали только общие курсы. Потому что общего тут вообще ничего нет. Ну, вот, например, я использую магию воды, чтобы полностью извлечь ароматы. А был у нас на курсе мальчик, у него стихия огня – так он работал с температурными режимами. У всех всё по-разному, – закончила она, одним глотком допила чай и поднялась. – Ага, вот они до чего-то договорились и выходят на сцену. Идём поближе!

И, решительно расталкивая толпу, Мария пошла вперёд, приговаривая на ходу:

– Я участник конкурса, пропустите! Мне, может, сейчас приз вручат, а я пройти не могу!

Посетители фестиваля оглядывались, с улыбками расступались и пропускали девушку; её спутники, выстроив микро-хирд и сжав зубы, шли следом.

После короткого выступления организатора фестиваля, Эдуарда Пархомова, для разнообразия одетого в пёструю «гавайскую» рубашку, на сцену поднялся Иван Тимофеевич Казанцев, городской голова. Посмотрев на собравшихся, он хитро усмехнулся и спросил:

– Ну что, все уху попробовали? А ставки на победителя сделали? – по толпе пронёсся шепот. – Думаю, тот, кто догадался поставить правильно, сорвёт большой куш, потому что результаты неожиданные. Итак, прошу посмотреть, вот вчерашние результаты...

Сошников активировал запоминающий кристалл, и перед публикой появилась голограмма таблицы, которую все видели накануне, и которую оспаривала с такой страстью Маша Шехонская. Первое место со ста тридцатью шестью очками занимала красная уха ресторана «Большая кастрюля». «Флотилия» Шехонской была пятой, получив девяносто два балла, а последние места разделили «Буль-Буль» и «Приволжский», каждый из которых заработал сорок два.

Калязинский городской голова тем временем продолжал разливать соловьём:

– Наверное, всем интересно, как блюда оценивали...

– А судьи кто? – донёсся выкрик откуда-то сзади.

– Так их вам вчера представляли, – пожал плечами Казанцев. – Шеф-повара из Москвы, вот они, – он повёл рукой вправо; судьи заулыбались, Амир Гулиев помахал рукой. – А система оценок была очень простая: каждое представленное блюдо оценивалось от единицы до пятёрки по пяти параметрам: аромат, вкус, подбор ингредиентов, текстура и индивидуальность.

– Текстура – это что? – снова выкрикнул тот же голос.

– Давайте я отвечу, – поднялся один из шефов. – Алексей Власов, ресторан «Печь и котелок». Текстура – это целый комплекс ощущений: зрительных, слуховых и осязательных. Бывает кремообразная, волокнистая, слоистая, пористая, однородная, твердая, пластичная, липкая, рассыпчатая, хрустящая, гелеобразная. В одном блюде нужно сочетать хотя бы две текстуры, идеальный вариант – три. Ну, например, та самая красная уха от «Большой кастрюли» представляла слоистую текстуру кусков рыбы, однородный мягкий картофель и хрустящие чесночные гренки, которыми всё это было посыпано. Понятно?

– Понятно, – нестройно прозвучал общий ответ, а всё тот же одинокий голос добавил. – Чего ж тут не понять?

Толпа грохнула. Городской голова заулыбался и продолжил...

– Сразу говорю, сегодняшние оценки будут отличаться от вчерашних. И вовсе не потому, что кто-то куплен, как некоторые предполагали, гхм... в кулуарах. Вчера мы ошибочно оценивали, не включив в систему соответствие заданию. Сегодня, благодаря госпоже Шехонской, это было исправлено. Мы изменили нашу «пятёрку», объединив «вкус» и «аромат», и добавили необходимый пункт. Итак, результаты!

И снова Владимир активировал кристалл, и подсвеченная зелёным голограмма повисла в воздухе рядом со вчерашней. Зрители зашумели, неугомонный собиратель сведений из заднего ряда выкрикнул:

– Это что же, «Большая кастрюля» теперь на пятом месте?

– Да... Кто ж у нас там такой любопытный-то? – городской голова взгляделся в толпу и кивнул сам себе. – Ну, разумеется, Вася Топорков. Василий, ты же все двенадцать вариантов опробовал, как не лопнул!

– Чего это ещё, лопаться-то... – пробурчал под нос именитый горожанин.

– Ну, а раз попробовал, должен сам понимать: как тут ни крути, а дело во вкусе. Итак, третье место и приз – ужины на двоих в трёх ресторанах уважаемых приглашённых судей – получает ресторан «Буль-Буль»...

Представление покатило своим чередом. Второе место, ужин и право на рекламный разворот в журнале «Шеф-повар» было отдано Маше Шехонской и её «Флотилии», первое занял трактир «И рыба, и мясо», получивший рекламный разворот, ужин в любом ресторане кого-то из судей и три тысячи дукатов.

На сцену снова вышел Эдуард Пархомов, переждал шум и сказал:

– Ещё одно изменение в регламенте фестиваля: лично я приглашаю повара, занявшего первое место, принять участие в общеволожском конкурсе, который состоится в последнем пункте нашего фестиваля, городе Ярославле.

Неожиданно обладатель главного приза, усатый, широкоплечий мужчина лет сорока, шагнул вперёд и спросил:

– А когда это будет, Эдуард Михайлович?

Пархомов переглянулся с Владимиром Сошниковым и ответил:

– Через десять дней.

– Тогда прошу меня простить, но я сразу откажусь, – твёрдо сказал усач. – У меня жена рожать должна, я из дому ни-ни. Вон, Машуня пусть едет, надо пропускать молодёжь!

– Жаль, – покачал головой Эдуард. – Но отказаться – ваше право. Мария, вы как, в игре?

Шехонская сглотнула и дрогнувшим голосом ответила:

– Конечно!

Разошлись возбуждённо переговаривавшиеся зрители. Участники погрузили свои котлы, остатки продуктов, посуду и припасы на воздушные платформы и двинулись к выходу. Судьи, строго предупреждённые Сошниковым об отправлении яхты через два часа, разбрелись по городу.

Со скамейки, стоявшей в сторонке, поднялась Марина, до этого что-то быстро писавшая в блокноте, подошла к Эдуарду и сказала:

– Ну что, Пархомов, мои поздравления!

– С чем? – хмуро спросил он.

– С первым блином. Может, он и был комом, но ты сумел дело поправить, так что поздравляю, и искренне.

– Спасибо. Ты сейчас на «Оливье»?

– Нет, сперва схожу на почту, отправлю статейку. Сам знаешь, на воде магвестники не работают, да и электронная почта не особо.

Пархомову до рези в глазах хотелось заглянуть в отправляемый ею текст, но он сжал зубы и удержался. Поинтересовался только:

– Когда и где должно выйти?

– Сюрприз, сюрприз-из, – пропела женщина, ослепительно улыбаясь. – Тебе понравится, Эдик! А если и не понравится, то самые полезные лекарства ведь горькие. Не правда ли?

И, выпустив эту парфянскую стрелу, она быстро пошла к выходу из парка.

Оставим на мгновение наших героев, и воспользуемся особыми возможностями автора, заглянем в ту самую статью. Что же написала госпожа Красовская о калязинском фестивале?

«Всяческие кулинарные фестивали, словно вражеское войско, покатались по Царству Русь, сминая и коверкая родную кухню...

Кто-то сказал этим, простите, поварам, что уха и рыбный суп суть разные вещи, вот они и стараются, варят-наваривают, а в котле всё одно жиденькая похлебочка...

В ресторан можно влюбиться, если в нём подают правильные пирожки: в меру тонкое нежное тесто, с божественной начинкой, с загорелой спинкой. Ресторан можно возненавидеть, если в нём подают невкусные солёные огурцы. Что же я попробовала сегодня? Битые, квашенные, перченые, верченые огурцы – много ли на свете шеф-поваров, способных испортить наших зелёных любимцев, забить их неповторимый аромат, превратить в размазную их дивный хруст? И неужели все эти умельцы сосредоточились в городе К., первом пункте заявленного фестиваля ухи?..

Рыба, что красная, что белая, была переварена, успела до подачи посетителям постоять, устать от самой себя, пропитать всё вокруг тяжким рыбным духом...

И никакие «магические методы и техники приготовления» не помогут сделать еду вкусной, если не у тебя к этому таланта. Или тебя хотя бы не научили ремеслу...»

Леонид Грабовой, один из двух стюардов «Люсьена Оливье», заканчивал уборку в каюте госпожи Красовской.

Вообще Леонид любил свою работу, ему казалось, что с каждым вычищенным ковром и протёртым от пыли столиком чуточку чище становится весь мир. И неважно, что завтра пыль сядет снова, а на ковре появятся следы подошв: всё это так просто исправить. Протереть зеркало, налить в сверкающий графин свежей воды, застелить постель хрустящей от чистоты простыней...

Но вот убираться у Красовской ему не нравилось. Она не давала себе труда хотя бы сложить на стул сброшенную одежду, оставляла следы жирных пальцев на лакированной поверхности тумбочки и на зеркале, а прямо на постели могла бросить конфетные фантики и тарелку с яблочными огрызками.

– С другой стороны, – пробормотал Леонид, – спасибо, что на тарелке, а не прямо на простыне.

Он критически осмотрел сияющую чистотой каюту и покачал головой: ярко-красный чемодан, стоявший возле кресла, нарушал гармонию пространства. Осторожно взявшись за ручку, Леонид передвинул чемодан к шкафу, так, чтобы кресло его прикрывало. Внутри чемодана что-то булькнуло, и стюард насторожился: вчера вечером шеф – в смысле, владелец яхты, Эдуард Пархомов – строго-настрого повторил всему персоналу, чтобы госпоже Красовской спиртного не давать ни грамма.

– Это не вода, – подбодрил Леонид сам себя. – Воду или сок она бы не убирала. Но лезть в чемодан? Пожалуется, скажет, что я её брильянты украл, и привет. Нужен свидетель...

Первым человеком, попавшимся ему на палубе, был капитан, с самым деловым видом шедший к трапу.

– Валерий Николаевич! – прокричал запыхавшийся Леонид. – Валерий Николаевич, у меня проблема, помощь ваша нужна!

В каюте капитан подёргал чемодан из стороны в сторону.

Тот булькнул в ответ.

– Ну вот, я ж говорю – воду бы она прятать не стала, – повторил стюард.

– Открывай, – Валерий Николаевич кивнул. – Под мою ответственность.

Из чемодана был извлечён и поставлен на столик красивый хрустальный штоф, на две трети наполненный золотисто-коричневой жидкостью. Капитан открыл пробку и со всей осторожностью понюхал.

– Аква-вита, – сказал он авторитетно. – Островная, копчёная. Уноси.

– Куда, в бар?

– Нет, Лёня, какой бар? Ко мне в каюту, в сейф уберу и вечером Эдуарду Михайловичу доложу, как вернётся. У нас с тобой есть приказ, Красовской спиртного не давать, а приказы не обсуждаются.

В начале пятого двое матросов убрали трап, корпус «Люсьена Оливье» дрогнул, и полоска воды между нею и причалом стала расширяться. Судьи помахали собравшимся на берегу, повернулись к хозяину яхты, и Алексей Власов спросил:

– Какие дальнейшие планы, Эдик?

– Солнце ещё высоко, предлагаю остановиться где-нибудь в приятном месте и позагорать. Потом ужин, а завтра утром приходим в следующий пункт, город Мышкин. Место туристическое, ресторанов там побольше, чем в Калязине, так что и конкурс должен быть интереснее. Согласны?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Власов. – Пошли искать плавки, ребята!

Марина вернулась в свою каюту.

Она почти опоздала к отправлению яхты, и подозревала – да что там, была твёрдо уверена – что ждать её никто не станет. За несколько часов, проведённых ею на берегу, она успела попробовать пару вариантов этого пахнущего рыбой варева, написать статью со справедливой критикой фестиваля и его участников, отправить эту статью по адресу, вернуться в городской парк и купить пару баночек мёда для мамы.

Устала.

Набегалась, понервничала, да и голова после вчерашнего была тяжёлая. Хуже всего было то, что ей померещилось в толпе знакомое лицо, лицо, которое Марина никогда больше не хотела бы видеть. Теперь она не могла понять, был ли это фантом разгорячённого воображения, или действительно среди гостей мелькнул Дима Жарков.

Жарков, которого она любила без памяти, а потом разлюбила. Жарков, которого променяла на богатого, красивого, вальяжного, успешного Эдуарда. Променяла, а потом утопила в самом глубоком болоте, какое смогла найти в московском поварском сообществе, и ещё придержала, чтобы не выплыл.

– Сколько ж лет прошло? – Марина подошла к зеркалу, посмотрелась и стала разглаживать морщинки на лбу. – Восемь, да... Всё-таки тогда ресторанный критика имела куда больше весу, сейчас, кроме коллег, мало кто читает. Публика этими скандалами насытилась, а жаль!

Тут она покосилась в сторону чемодана, который – стюард, зараза! – переставили в сторону.

– Выпить? Нет, подожду до ужина. Сооружу себе «ночной колпак»⁵, и пусть мне снятся зелёные холмы Эрина...

«Люсьен Оливье» бросил якорь возле симпатичного песчаного бережка в получасе ниже Калязина по течению Волги. В два захода лодка перевезла всех желающих туда, и матросы расставили шезлонги. На борту яхты осталось четверо пассажиров.

⁵ ночной колпак (nightcap) – это напиток, употребляемый незадолго до сна. Например, небольшая порция крепкого алкоголя или стакан теплого молока предположительно могут способствовать хорошему ночному сну.

Фозил Ким, Николай Борисов и бартендер Артём Газарян, переглянувшись, поднялись на самую верхнюю палубу, где удобно расположились в креслах под навесом. Газарян выложил на стол колоду карт и спросил:

– Покер?

– Может, пулю распишем? – покривился Ким. – Неохота напрягаться.

– Втроём? Неинтересно. Да и не напрягайся, мы же между своими, – и Артём высыпал на стол горсть мелких, размером с семечку, кристалликов. – Делим поровну и играем на них.

– Что это?

Николай осторожно крутил в пальцах один из кристаллов.

– Усилители вкуса. Так сказать, магический глютамат натрия.

– Н-ну... ладно. Сам заряжал?

– Купил. Но у проверенного артефактора!

– Ладно, принимается!

И тройца игроков отрешилась от всего вокруг.

Красовская прошла к лежакам, устроилась так, чтобы опускающееся к горизонту солнце максимально её освещало, и включила себе кристалл с музыкой.

Шевелиться было лениво, но пить хотелось. Пархомов пошарил рукой рядом с шезлонгом, нащупал бутылку и открыл один глаз, чтобы проверить, что попало.

– Сок, фу... Нет, сок не хочу, водички бы. Ребята, у кого вода есть?

– Да вот тебе, целая река рядом, пей, сколько хочешь! – откликнулся насмешливый голос Ольги.

Пришлось открывать оба глаза и осматриваться.

Пассажиры яхты купались. Кто-то плескался на мелководье, чья-то голова мелькала довольно далеко в волнах. Ольга стояла рядом, и по её загорелой коже сбегали капельки воды.

– Купаться пойдёшь? – спросила она.

– Не-а, я человек теплолюбивый, мне вода ниже тридцати градусов – слишком холодная.

Фыркнув, она села в соседний шезлонг.

– Давненько я не ночевала в твоей каюте, – протянула томно.

– И сегодня не будешь, – отрезал Эдуард.

– Что так?

– Не до того, дел много, надо отдохнуть. Если ты заметила, я тяну этот проект на себе!

– А-а, я-то думала, его тянет Володя Сошников... Ну, как хочешь.

Она замолчала, закрыла глаза и, кажется, задремала. Успокоившийся Пархомов с довольной улыбкой смотрел на яхту – белоснежная, изящная, покачивается на волнах, латунь сверкает на солнце...

Ольга посматривала на него из-под ресниц и про себя рассуждала.

«Не могу понять, я его уже не интересую? Тогда почему молчит? Я знаю, Эдик в таких случаях не церемонится, Маринку он выгнал – она чихнуть не успела. Интересно, за что? Молчат оба, как под клятвой, и слухи никакие не ходят. Если б она налево бегала, кто-нибудь да знал бы... Не пора ли мне искать запасной аэродром? Конечно, никто пока достойный не попадался, но тут главное решить и всматриваться в поток. Непременно проплывёт мимо либо подходящий мужик, либо, – тут она хихикнула, – труп врага. Интересно, куда Эдик бегал в Калязине? И не было его долго, и вернулся довольный, словно выиграл тендер на поставку продовольствия для государства. Ну, не может же у него быть любовница в этой дыре? Или может?»

На этой неожиданной мысли женщина распахнула глаза и повернулась к любовнику. Тот спал, даже чуть слышно похрапывал, и она, успокоенная, вновь опустилась на шезлонг.

Солнце коснулось краем макушек деревьев, подул свежий ветерок, и выбравшиеся на берег купальщики стали ёжиться.

– Эдик, домой поплывём? – не выдержал, наконец, один из поваров.

Пархомов вздрогнул и проснулся.

Ужинать сели, когда уже совсем стемнело. Столы сервировали на средней палубе; белые скатерти колыхались под ветерком, словно стайка привидений, огоньки свечей играли в гранях хрусталя. Хлопнули пробки шампанского, и хозяин яхты встал с бокалом в руке:

– Ну что же, друзья мои, я считаю, что первый этап мы отыграли с блеском. За вас! – и он залпом выпил.

Закашлялся. Взялся ладонью за горло, попытался вздохнуть. Лицо Эдуарда мучительно побагровело, второй рукой он вцепился в спинку стула, стараясь удержаться на ногах.

Ольга вскочила и с размаху ударила его кулаком в спину...

Гости выдохнули и отвели взгляды, Пархомов продышался и опустил на своё место, нашарил стакан с водой и выпил глоток. Потом взял руку женщины, всё ещё стоящей рядом, нежно поцеловал и прижал к своей щеке. Разрушая возникшую паузу, встал Сошников:

– Господа, думаю, рыбой вы на некоторое время насытились, поэтому ужин сегодня только для хищников. Итак, entrée – перепела, фаршированные утиной печенью, со сливовым соусом!

После ужина пассажиры яхты танцевали, ещё пили, смотрели на лунную дорожку по воде и загадывали желания. Далеко за полночь все разошлись по каютам.

Марина сбросила туфли, босиком прошлёпала к окну и распахнула его. Зажгла ночник и пробормотала:

– Отдельное спасибо за антикомариный амулет... Ну-с, а теперь в душ, сбывча мечт и спать! Где там моя прелесть?

Она сунула руку в чемодан и замерла: он был абсолютно, совершенно пуст.

Дёргая молнию, Красовская полностью открыла чемодан и удостоверилась: графин с виски пропал, как и не было.

– Твари, – прошептала она. – Гады! Ненавижу!

Глава 3. Мышкин

Уха наваристая

На 1000 г рыбной мелочи – 500 г крупной рыбы, по ½ корня петрушки и сельдерея, 1 головка репчатого лука, 6 горошин черного перца, 1–2 лавровых листа, ½ лимона; соль по вкусу. Приготовить пряный отвар, добавив в него мелкую рыбку. Варить приблизительно 1 ч, чтобы рыбка полностью разварилась. Подготовить и нарезать порционными кусками более крупную и некостистую рыбу, предварительно освободив ее от кожи и костей. Процедить пряный отвар, поставить его снова на огонь и, когда он опять закипит, опустить в него подготовленные порционные куски крупной рыбы. Проварить 15–20 мин.

Перед подачей к столу посыпать уху зеленью. В каждую тарелку положить кусок рыбы и несколько ломтиков лимона без зерен. Лагунов Л.Л., Лифшиц М.О. «Рыбные блюда», Москва, «Пищевая промышленность», 1973 г

В город со смешным названием Мышкин Алекс и Лиза прибыли ещё накануне следующего фестивального этапа. Пока пассажиры яхты купались и загорали, Верещагин спросил у портье в калязинской гостинице, какова дорога до Мышкина, и во что обойдётся переход порталом и поездка экипажем. Получалось практически одинаково. Он повернулся к девушке и спросил:

– Ну, что скажешь? Девяносто километров вдоль Волги, часа полтора, если экипаж в порядке. А дорога должна быть красивая... Или портал?

– Такси, – твёрдо ответила Лиза. – От порталных переходов у меня голова кружится и мысли разбегаются.

Дорога и в самом деле была живописна: слева зеленел лес, сменяясь желтеющими полями ржи и пшеницы, справа сквозь деревья виднелась серо-стальная речная гладь. Водитель экипажа был молчалив, только пару раз обращал внимание пассажиров на особо красивый вид.

В половине пятого они уже заселились в гостиницу, и Лиза сказала:

– Веди меня в музей Мыши. Нигде такого нету, хочу видеть.

– Ты ж понимаешь, что это чисто туристический аттракцион?

– Всё равно хочу!

Музей действительно оказался не слишком интересным; Лиза утешилась, купив себе шаль с вышитыми мышьиными семействами, которые готовили еду, ловили рыбу и играли на скрипках и аккордеонах.

Они поужинали в ресторане «Сыр и мышеловка», предварительно уточнив, что в завтрашнем фестивале заведение не участвует, и разошлись по своим номерам. Девушка собиралась пойти к месту проведения праздника ухи с самого утра, Алекс же решил отправиться в Москву. Кое-какая информация об участниках фестиваля у него уже была, и он рассчитывал её пополнить; червячок сомнения точил его сыщицкую душу, заставляя ожидать неприятностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.